

Д.Н. ЗАМЯТИН

Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития

Гуманитарная география – междисциплинарное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность. Базовые понятия, которыми она оперирует, – культурный (и этнокультурный) ландшафт, географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология). Понятие “гуманитарная география” тесно связано и пересекается с понятиями “культурная география”, “география человека”, “социокультурная (социальная) география”, “общественная география”, “гуманистическая география” [Lowenthal, 1961; The Interpretation... 1979; Tuan Yi-Fu, 1990; Daniels, 1992; Jordan, Domosh, Rowntree, 1994; Geography... 1994; Schama, 1996; Cultural... 2000; Studing... 2003].

Первоначально гуманитарная география развивалась в рамках антропогеографии (начало XX в.), позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии (с 1920-х гг.). Значительные научные достижения в понимании цели и задач гуманитарной географии связаны с развитием культурного ландшафтоведения, географии населения, географии городов, географии туризма и отдыха, культурной географии, поведенческой (перцепционной) географии, географии искусства [Голд, 1990; Веденин, 1997; Родоман, 1999; 2002; Каганский, 1999; 2001; Туровский, 2001; Лавренова, 2001; Стрелецкий, 2002].

В начале XXI в. понятие “гуманитарная география” часто воспринимается как синоним понятия “культурная география”. Однако, в отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструкций, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

К научно-идеологическому ядру гуманитарной географии можно отнести: культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию [Замятина, 2002], мифогеографию [Митин, 2004], сакральную географию.

Замятин Дмитрий Николаевич – доктор культурологии, заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

Имажинальная география как когнитивное ядро гуманитарной географии

Имажинальная или образная география – междисциплинарное научное направление в рамках гуманитарной географии [Замятин, 2007]. Имажинальная география изучает особенности и закономерности формирования географических *образов*, их структуры, специфику их моделирования, способы и типы их репрезентации и интерпретации. Она развивается на стыке культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, когнитивной географии, мифогеографии, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии. Синонимы названия “имажинальная география” – образная география, география воображения, имагинативная география, имажинальная спациология, философическая география. В семантическом отношении наиболее широким термином является термин “образная география”, наиболее узким – “география воображения” (этим термином могут обозначаться различные дисциплинарные – филологические, психологические, политологические и т.д. – *case-study* в рамках общей тематики имажинальной географии) [Андерсон, 2001; Агтас, 2002; Бассин, 2005; Вульф, 2003; Башляр, 2004; Бондаренко, 2003; Величковский, Блинникова, Лапин, 1986; Гачев, 1995; Генон, 2003; Голд, 1990; Ерофеев, 1982; Регионализация... 2001; Саид, 2006; Чихичин, 2005; Bassin, 1991; 1999; Conforti, 2001; Corbin, 1972; Cosgrove, 1984; 1989].

Один из базовых методов имажинальной географии – *образно-географическое картографирование*. В концептуальное поле имажинальной географии входят такие хорошо известные и разработанные понятия гуманитарных наук, как “гений места”, “поэтика пространства”, “гетеротопия”; а также основные понятия гуманитарной географии – локальный миф (пространственный миф), региональная идентичность (региональное самосознание), культурный ландшафт (ландшафт, этнокультурный ландшафт). В понятийный аппарат имажинальной географии включены понятия образно-географической системы, образного пространства (образно-географического пространства), ментально-географического пространства, метапространства.

Латентный период становления имажинальной географии относится ко второй половине XIX–началу XX в., когда развитие хронологической концепции в географии, широкое использование понятия ландшафта, появление французской школы географии человека и антропогеографии, феноменологии, зарождение неклассических научных методов исследования привлекли внимание научных сообществ к проблематике образных репрезентаций земного пространства.

Паралатентный или полускрытый период становления имажинальной географии – это 1920-е–1940-е гг., когда развитие культурного ландшафтоведения, культурной географии, сакральной географии, геоистории (французская школа Анналов), регионалистики и краеведения, гештальт-психологии и бихевиоризма, экзистенциальной философии (Германия, Франция, СССР – только в 1920-х гг., Великобритания, США) позволило научно сформулировать проблему исследования образов пространства. Базовый период становления имажинальной географии относится к 1950-м–1980-м гг.: в это время происходит быстрое развитие культурной географии, гуманистической географии и их выдвигание на первые роли в рамках западной географии в целом; зарождается понятие постмодерна, позволяющее широко разрабатывать проблематику имажинальных теорий и практик; появляются целевые научные исследования образов мест, территорий и пространств в культурной и гуманистической географии, геогра-

фии искусства и эстетической географии, социологии, психологии, культурной антропологии, истории, литературоведения; резко актуализируются понятия региональной идентичности и региональной (пространственной) мифологии; начинают доминировать знаково-символические интерпретации культурных ландшафтов; формируется комплекс когнитивных наук, в рамках которого возможны более эффективные методы имагинальных исследований.

Когнитивно-институциональный период становления имагинальной географии – 1990–2000-е гг., когда появляются монографии по имагинальной географии, начинают формироваться смежные научные направления (когнитивная география, мифогеография); возникает общее гуманитарно-географическое концептуальное (исследовательское) поле, позволяющее четко идентифицировать и разместить имагинально-географическую проблематику; разрабатываются основы моделирования географических образов.

В начале XXI в. имагинальная география оказывала концептуальное влияние на развитие культурной антропологии, культурологии, политологии, истории (особенно региональной и локальной истории), литературоведения, комплексного градоведения и регионоведения. Прикладные проекты в сфере имагинальной географии связаны с маркетингом территорий, стран, регионов и мест, разработкой имиджей территорий в рекламе, туристическом бизнесе, инвестиционной деятельности. Концептуальное развитие имагинальной географии связано с художественными практиками и проектами в сфере литературы, визуальных искусств (кино, видео, живописи и графики), архитектуры. В переходной ментальной зоне, на границе между имагинальной географией и художественными практиками формируются гибридные художественно-исследовательские направления – метагеография и метакраеведение.

Географический образ – центральное понятие имагинальной географии

Географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ – центральное понятие имагинальной географии. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы). Один из методов изучения географических образов – построение *образно-географических карт*.

Близко по смыслу к понятию географического образа понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа – образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия “географический образ” может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического контекста* и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стадийное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен – важный критерий цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры художественного и политического мышления в категориях географических образов существенны для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества.

В методологическом плане формирование и развитие систем географических образов определяется развитием культуры (культур). По мере развития культуры в процессе человеческой деятельности географическое пространство все в большей степени осознается как система (системы) образов. Первоначально, как правило, формируются простые, примитивные географические образы, “привязанные” к прикладным аспек-

там деятельности человека, к наиболее насущным потребностям общества. В дальнейшем по мере возникновения и развития духовной культуры, искусства создаются и развиваются географические образы, в значительной степени дистанцированные по отношению к непосредственным, явно видимым нуждам общества. Наряду с этим ранее возникшие виды и типы человеческой деятельности, усложняясь, способствуют зарождению и развитию более сложных и более автономных географических образов, например, образы стран и регионов в культурной, политической и экономической деятельности.

Целенаправленная человеческая деятельность включает элементы сознательного создания и развития конкретных географических образов. При этом формирующиеся в стратегическом плане образные системы можно назвать субъект-объектными, так как субъект (создатель, творец, разработчик) этих образов находится как бы внутри своего объекта – определенной территории (пространства). Роль и значение подобных стратегий состоит в выборе и известном культивировании наиболее “выигрышных” в контексте сферы деятельности элементов географического пространства, которые замещаются сериями усиливающих друг друга, взаимодействующих географических образов. В рамках определенных стратегий создания и развития географических образов в различных сферах человеческой деятельности формируются, как правило, несколько доминирующих форм репрезентации и интерпретации соответствующих географических образов.

Образно-географическая карта как метод исследования в имагинальной и гуманитарной географии

Образно-географическая карта (или карта географических образов) – графическая модель географических образов какой-либо территории или акватории (места, ландшафта, местности, реки, населенного пункта, города, региона, страны, континента и т.д.) (см. рис. 1, 2). Она может рассматриваться и как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа, а также репрезентировать образно-географическое пространство вербальных текстов (письменных, визуальных, картографических), например, художественных произведений или стенограмм политических переговоров. Как когнитивное средство образно-географическая карта выявляет и выстраивает в виде системы взаимосвязанных элементов содержательные для конкретного географического пространства знаки, символы, стереотипы и архетипы [Замятин, 2005].

Образно-географическая карта представляет собой автономный результат процесса моделирования географических образов, также – графический инвариант словесной (устной или письменной) модели географического образа, один из инструментов изучения имиджевых ресурсов территории. Процедуры разработки и построения образно-географических карт относятся к методике имагинальной (образной) географии. В когнитивном отношении образно-географическая карта – результат концентрации знаний об определенном географическом пространстве в специфической знаково-символической форме. Создание конкретной образно-географической карты можно рассматривать как процесс интерпретации изучаемых географических образов.

Направленность на содержательные знаково-символические репрезентации географического пространства определяет дискретность картографического поля образно-географической карты, а также частичное и необязательное соблюдение традиционной для европейской картографии Нового времени ориентации по сторонам света (см. табл.). По таким параметрам, как отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям, и дистанция между картографируемым объектом и его изображением образно-географические карты близки к ментальным (когнитивным) картам и *картоидам*.

Формально образно-географические карты представляют собой математические графы или диаграммы Д. Венна. Эти способы графического изображения позволяют показать пересечения и вхождения географических образов друг в друга, их взаимную

Сравнительные характеристики различных видов картографирования

Виды картографирования	Ориентация карты	Отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям	Континуальность или дискретность картографического поля	Дистанция между картографируемым объектом и его изображением
Традиционное	Традиционная (север – вверху)	Соблюдение традиционных правил и проекций	Континуальность	Минимальная
Ментальное (когнитивное)	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
Картоиды	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
Образно-географическое	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Дискретность	Максимальная

ориентацию и взаимодействие. Как и любая географическая карта, образно-географическая карта может иметь соответствующую легенду, включающую типологию или классификацию изображенных знаков и символов, а также типологию или классификацию знаково-символических связей.

Для изучения динамики конкретных географических образов создаются серии последовательных образно-географических карт. Одно и то же географическое или образно-географическое пространство может репрезентироваться или интерпретироваться потенциально бесконечным множеством образно-географических карт – в зависимости от целей и задач образно-географического картографирования, а также специфики воображения конкретного создателя карты. Выявление содержательных взаимосвязей между различными образно-географическими картами, относящимися к одному и тому же географическому/образно-географическому пространству, а также процедуры их согласования в прикладных целях, предполагают построение графических моделей метагеографических пространств.

Моделирование географических образов

Моделирование географических образов – область имагинальной (образной) географии, занимающаяся изучением процессов формирования, развития и структурирования географических образов. Моделирование географических образов содержит две основные части: 1) теория моделирования географических образов; 2) методика и прикладные аспекты моделирования географических образов. В качестве материала для изучения в моделировании географических образов используются тексты различного типа (как вербальные, так и невербальные), а также визуальное искусство, кино, фотография, музыка, архитектура. Объектом исследования может выступать как конкретная географическая территория (*ландшафт, культурный ландшафт*, населенный пункт, город, район, страна), так и определенное художественное произведение или определенный текст (письменный, визуальный и т.д.). Промежуточным (переходным)

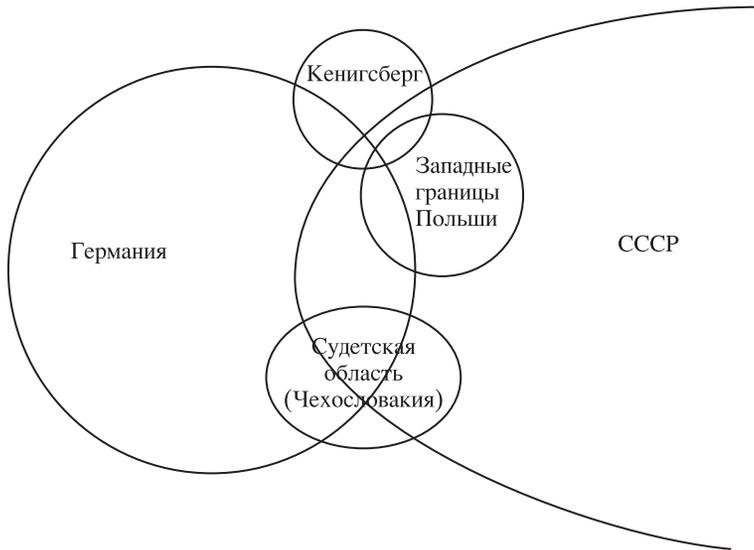

Рис. 1. Образно-географическая карта обсуждения границ Германии на переговорах У. Черчилля, И. Сталина и Г. Трумэна во время Потсдамской мирной конференции 1945 г. [Замятин, 1998].

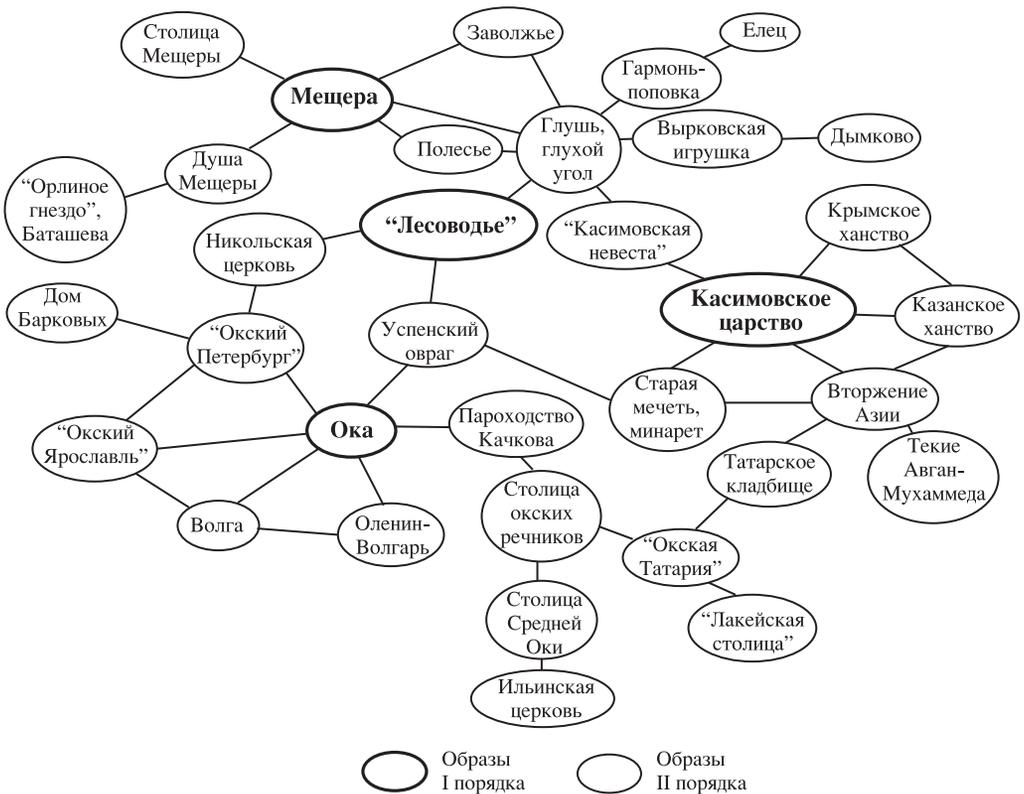

Рис. 2. Образно-географическая карта города Касимова (Рязанская обл.) [Замятин, 2004].

объектом исследования могут быть человеческие сообщества различного ранга и размерности (этническая, культурная или социальная группа, территориальное сообщество, население города, профессиональное сообщество, виртуальное сообщество, нация).

Теория моделирования географических образов – часть более общей теории имажинальной (образной) географии. В то же время эта теория может частично выходить за ее концептуальные рамки; в этом случае теорию моделирования географических образов можно рассматривать и как часть более общей теории моделирования общественных (социокультурных, политических, экономических) процессов. Основные проблемы теории моделирования географических образов – выявление базовых, наиболее распространенных и устойчивых моделей географических образов; формулирование закономерностей формирования и развития географических образов; первичные алгоритмы структурирования моделей географических образов; выявление и описание ключевых контекстов функционирования и развития моделей географических образов в рамках более общих моделей общественного развития.

Методика и прикладные аспекты моделирования географических образов входят в общую методику имажинальной (образной) географии. Наряду с этим они могут использоваться в когнитивной географии, мифогеографии в рамках прикладной гуманитарной географии. Основные методические и прикладные задачи моделирования географических образов – разработка типовых алгоритмов создания моделей географических образов в конкретных научных и прикладных областях (например, в художественных текстах или в сфере маркетинга территорий); построение системы мониторинговых образно-географических исследований в целях первичного обнаружения и описания вновь возникающих как уникальных, так и типовых географических образов в различных сферах общественного развития.

В данной исследовательской области используются разнообразные средства изучения: текстовые описания (как научные, так и художественные), фото- и видеосъемка, образно-географическое картографирование, компьютерные модели, социологические опросы и глубинные интервью, контент-анализ, построение *географических картоидов*, живопись и графика, музыкальные произведения. Теория моделирования географических образов предполагает совмещение и/или сосуществование двух разных методологических подходов: 1) реконструирование, выявление модели географического образа (предполагается, что исследователь относится к модели как к уже существующей независимо от него – условный “объективистский” подход) и 2) конструирование модели географического образа, которое может сопровождаться его деконструкцией (конструктивистский подход, дополняемый постструктуралистскими и постмодернистскими подходами – в целом, можно назвать “субъективистским”). Методика и прикладные аспекты моделирования географических образов предполагают как создание оригинальных, новых произведений (текстовых, визуальных, картографических) в качестве отдельных элементов модели географического образа, так и использование в данном процессе ранее созданных произведений или их фрагментов, не принадлежащих исследователю как автору. Основное методологическое допущение при этом – признание потенциальной множественности/бесконечности моделей одного и того же объекта исследования в зависимости от целей и задач исследователя. Методологически оно связано с пониманием самого географического образа как бесконечного пространственного разнообразия, фиксируемого каждый раз в конкретный момент времени (и понимаемого, в свою очередь, как пространство событий).

В рамках гуманитарной географии описываемая научная область интенсивно взаимодействует с когнитивной географией и мифогеографией. В теории и практике моделирования географических образов, наряду с понятием географического образа, активно используются понятия *когнитивно-географического контекста*, *локального (пространственного, регионального) мифа*, *генія места*, *знакового места*. Моделирование географических образов в той или иной степени применяется в современных геополитических исследованиях, международных исследованиях, социологии,

культурологии, психологии, филологии. Наиболее важные научные теоретические и прикладные области, в которых оно может выступать как один из ключевых подходов, – география искусства и литературы, градоведение, география городов, районная планировка и архитектура, маркетинг и брендинг территорий, музейное проектирование.

Когнитивная модель пространственных представлений в локально-мифологическом контексте

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (внизу – бессознательное, вверху – сознание), четыре слоя-страты, размещенные своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы утопающая в бессознательном – географические образы; на ней, немного выше, располагается “локально-мифологическая” страта, менее протяженная; еще выше, ближе к уровню некоего идеального сознания – страта региональной идентичности, также уменьшенная по сравнению с предыдущей; наконец, на самом верху, “колпачок” этого своеобразного треугольника образов пространства – культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей. Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов [Топоров, 1995; Русская... 2000; Кривонос, 2001; Абашев, 2000; Люсый, 2003; Геопанорама... 2004].

Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении, причем процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, “полусознательную” или “полубессознательную” когнитивную “вытяжку” из определенных географических образов, являющихся неким “пластом бессознательного” для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов состоит в том, как из условного образно-географического “месива”, не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, насущность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические “цепочки” в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, содержание которой может быть мифологичным. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение – всякий локальный миф создается как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в ее рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, очевидно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих региональных идентичностей. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более “репрезентативных” образов пространства должен происходить определенный ментальный сдвиг. На мой взгляд, он может заключаться в “неожиданных” – исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов – образно-

логических и часто весьма упрощенных трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками.

Другими словами, региональные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политического или культурного деятеля в местной прессе), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их “на службу” конкретным локальным и региональным сообществам. С другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие региональных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закрепленных в региональном сознании мифов [Елистратов, 1997; Конькова, 2006; Дранникова, 2006], а также разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – слабо соответствующая местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания региональной идентичности – может исчезнуть.

Основные интерпретации образа гуманитарной географии

География сама по себе – сильный и мощный образ знания, “привязанного” к восприятию, воображению и интерпретациям земного пространства. Этот образ никогда не был – по крайней мере, в пределах надежно воспроизводимой истории цивилизаций – полностью или абсолютно рационализированным, даже в эпохи жесткого научного позитивизма и постпозитивистских научных идеологий. Основная методологическая проблема географии, осознанная и сформулированная сравнительно поздно, только к середине XIX–началу XX в., заключалась, по всей видимости, в том, что земное или географическое пространство не “подавалось” классическим дискурсам гуманитарных наук, так или иначе сложившимся в своих первоначальных “развертках” к концу эпохи Просвещения.

Нет сомнения, что до определенного периода – примерно до начала XX в. – география как быстро формировавшаяся и дифференцировавшаяся научная дисциплина вполне успешно могла обходиться методологиями и методиками естественных наук, прямо ориентировавшихся на позитивистские стратегии и идеалы получения и развития научного знания. Кроме того, большинство так называемых гуманитарных наук, как минимум, до середины XX в. также ориентировалось на явно или неявно естественно-научные/позитивистские идеалы научного знания – порой даже вне зависимости от степени успешности их использования и применения [Бейтсон, 2000]. Наконец, такие науки, как демография, статистика и этнография, в институциональном “лоне” которых сравнительно долго – в течение большей части XIX в. – “вынашивалась” география, также предпочитали, а частично и до сих пор предпочитают, сравнительно массовидные методы исследования, восходящие, прямо или косвенно, к идеологии позитивизма.

Не следует, однако, недооценивать роль и значение позитивизма как научной идеологии в том, что к концу XX–началу XXI в. можно было назвать гуманитарной географией. По сути, сам позитивизм был мощным и закономерным следствием общего процесса секуляризации и гуманитаризации науки как специфической ментальной и социокультурной деятельности, процесса, который начался еще в эпоху европейского Возрождения. В этом смысле, не прибегая пока к более развернутым формулировкам, гуманитарную географию можно назвать постпозитивистской версией классической географии XIX в., учитывающей позитивизм как безусловное ментальное ядро или методологическую “почву”, от которой, несомненно, надо отталкиваться и отдаляться, но лишение, забвение или уничтожение которой – по крайней мере, пока – еще невозможно и даже не нужно.

Понимание образа гуманитарной географии неотъемлемо от осознания – пусть постепенного и всегда как бы не полного – значимости интерпретаций земного пространства, становящегося тем самым гео-графическим. Именно в этой постоянно нарастающей, постоянно преследуемой всевозможными образами и символами географичности “ускользающего” земного пространства и заключается возрастающий “шанс” гуманитарной географии. Но такой когнитивный, или образный, шанс не пребывает сам по себе в некоей “безвоздушной среде” чистого познания или чистого искусства: гуманитарная география развивается в той мере, в какой человеческие сообщества “опространствляют” свою деятельность или же рассматривают пространство как существенную и значимую репрезентацию их деятельности – включая, естественно, и непосредственные пространственные репрезентации [Шмит, 2008].

Не будет преувеличением отметить, что так называемые древние общества, а частично также и средневековые, рассматривали или же оценивали земное пространство, в основном, как некий внешний образ, репрезентируемый либо какими-либо прямыми и косвенными возможностями, ограничениями, “угрозами” и, наоборот, благоприятными экологическими обстоятельствами, либо яркими и выпуклыми нарративами религиозного, мифологического, философского, исторического, художественного характера. Традиционное восприятие земного пространства отличается непосредственностью географического воображения, проявляющегося в несомненной древности и практической вечности ментальных основ сакральной географии [Генон, 2004; Корбен, 2006]. Можно сказать, что в случае сакральной географии акт восприятия и акт воображения пространства – безусловно единый “гештальт”, обеспечивающий относительную общественную эффективность сочленения и соотнесения нарративов “видимых” (условная материальная деятельность) и “невидимых” (условная духовная, культурная, автономная ментальная деятельность).

Было бы достаточно легко – по крайней мере, методологически – представить хорошо известную и документированную историю человеческих сообществ как процесс вполне закономерной интериоризации земного пространства в форме вариаций определенного ментального конструкта, таких как этнокультурные ландшафты, культурные ландшафты, ландшафты культуры, географические образы, локальные мифы, региональные идентичности, типичные или типовые пейзажи – например, эллинистический пейзаж, геоэтнические или геокультурные панорамы [Топоров, 1991; 1993]. Обобщая, можно вывести подобные анализы на уровень закономерностей развития специфических геокультур, сменяющих друг друга, или, что правдоподобнее, сосуществующих друг с другом – по мере того, как возникают все новые геокультуры, а некоторые старые геокультуры отмирают, исчезают, не имея более “конкурентноспособных” в общественном смысле, постоянно воспроизводимых в социологическом плане репрезентаций [Замятин, 2002; 2003]. Наконец, можно говорить и о параллельном, иногда вполне изолированном друг от друга, развитии так называемых способов видения (взятых, интерпретированных в широком ключе, хотя и с опорой на несомненных зрительных образах), обусловленных конкретными социокультурными и/или цивилизационными установками в духе О. Шпенглера.

Метапространственные проблемы гуманитарной географии

Не замыкаясь на истории собственно географии, взятой в ее научном, донучном или паранучном срезе, и пытаюсь мыслить гуманитарную географию как широкий образ ментальной деятельности, “озабоченной” всевозможными интерпретациями земного пространства, вряд ли следует ограничиваться историческим подходом, позволяющим развешивать логически состоятельные и убедительные варианты развития гуманитарных представлений пространства. Не следует ли постоянно соотносить вновь возникающие художественные, философские, научные феноменологии образов пространства с их истоками, с “лоном” их первоначального ментального бытия, где эти образы “слипаются” с пространством самой мысли о них? Не является ли про-

странство в этом случае онтологическим условием существования гуманитарной географии, а сама гуманитарная география может быть лишь приблизительным эквивалентом общественной, цивилизационной, локальной возможности пространственного представления как такового?

Похоже, речь может идти не об отрицании историзма как такового, что делает невозможным представить сами пространственные нарративы, но о некоей внутренней географии пространства, в которой сами образы, символы, мифы пространства конструируются, размещаются, соотносятся в метапространстве, создавая все новые и новые метапространственные конфигурации. Однако не значит ли это, что возникает еще один уровень исследования, прямо и логично вытекающий из предыдущего, на котором всевозможные интерпретации феноменов земного пространства рассматриваются “по отдельности”? Можно до бесконечности, подобно античным гностикам, наращивать слои или сферы подобных когнитивных переходов, действуя механистически и фактически воспроизводя одно и то же на всех последующих уровнях.

По-видимому, стоит обратить внимание на чрезвычайно важное понятие “внутренняя география пространства” – с тем, чтобы осознать в когнитивном и образном планах не только системность самого перехода к метапространствам, но и попытаться онтологизировать сам этот переход, осуществить его “опространствление”. Зная о безусловной ущербности и уязвимости всякого претендующего на излишнюю точность и четкость определения, попробую все же сформулировать в самых общих чертах, что я имею в виду.

Итак, внутренняя география пространства – это процесс автономного образования пространств, не имеющих прямого отношения к непосредственной географии восприятия и/или поведения, а также к географии логических выводов и умозаключений на основе понятия физического пространства, трансформируемого традиционными картографическими проекциями, господствующими примерно с XVI в. – сначала в Европе, а затем и в остальных регионах мира. Важно подчеркнуть, что рассматриваемый процесс автономного образования пространств носит пространственный характер; иначе говоря, любое пространство может подвергаться пространственным же интерпретациям, вне зависимости от того, носило ли оно первоначально признаки конкретного физического и/или психологического пространства или же было полностью и сразу ментально сконструированным (что не отрицает, а только подтверждает его несомненные генетические связи с традиционными версиями земных пространств).

Возникает вопрос: а как это можно репрезентировать? Можно ли “увидеть” внутреннюю географию пространства, описать ее или же картографировать? Наконец, зачем нужна такая география, если даже оперировать только методологическими и теоретическими контекстами?

Нет сомнения, что источник такой репрезентации – опыт онтологического видения земного пространства, в которых пространство, грубо говоря, становится “героem”, неким самостоятельным, действенным актором, активно влияющим не только на внешнее течение событий, но и “претендующим” на самые архетипы и структуры происходящих событий. В таком случае временные нарративы как бы выходят из-под контроля носителя опыта, становясь своего рода “садом расходящихся тропок”. Однако если бы речь шла только лишь о неких искажениях традиционного пространственного опыта человеческих сообществ, уже хорошо описываемых и представляемых современной теоретической физикой (даже если это параллельные миры-пространства, соединяемые между собой “кратовыми норами” и прекрасно отработанные современной массовой культурой в жанре фэнтези). В таком случае можно было бы обойтись подробными описаниями конкретных пространственных аберраций, иллюзий и искажений – хотя бы они носили исключительно художественный и творческий характер, – не прибегая, по принципу бритвы У. Оккама, к усложнению теории.

Х. Борхес замечательно показал алгоритмы появления и развития внутренней географии пространства, отнюдь не сводящейся к порождению параллельных пространств-миров, лишь изредка напоминающих друг другу о собственном существовании или же

задающих неразрешимые загадки героям его произведений, чье воображение силится вырваться и остается, по большей части, “барахтаться” в рамках традиционной земной географии. Другой пример – тексты А. Платонова, Ф. Кафки, Д. Джойса, Б. Шульца, в которых, если не прибегать сейчас к более детальному анализу отдельных произведений, пространство кардинальным образом меняет сюжет, чуть ли не заменяя его, становясь, по сути, вторым “автором” этих текстов. Каким было бы пространство наших мыслей, образов, действий, если бы мы соразмеряли их с самим пространством или же представляли такое пространство максимально пространственно? – вот, по существу, главный вопрос внутренней географии пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Аттиас Ж.-К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. М., 2002.
- Барт Р.* Империя знаков. М., 2004.
- Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.
- Башляр Г.* Поэтика пространства // *Башляр Г.* Избранное. Поэтика пространства. М., 2004.
- Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000.
- Бондаренко Г.В.* Мифология пространства Древней Ирландии. М., 2003.
- Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М., СПб., 1997.
- Величковский Б.М., Блинникова И.В., Латин Е.А.* Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
- Генон Р.* Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. Избр. соч. М., 2003.
- Генон Р.* Символика креста. М., 2004.
- Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004.
- Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии. М., 1990.
- Дранникова Н.В.* Мифология Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2006.
- Елистратов В.С.* Евразийский Рим или Апология московского мещанства // *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь. М., 1997.
- Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.
- Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.
- Замятин Д.Н.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003.
- Замятин Д.Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2.
- Замятин Д.Н.* Имагинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М., 2007.
- Замятин Д.* Картографирование географических образов // *Diskussionsbeiträge zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie.* Band 8. Dresden, 2005.
- Замятин Д. Н.* Моделирование геополитических ситуаций (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Политические исследования. 1998. № 2, 3.
- Замятина Н.Ю.* Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 5.
- Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

- Каганский В.Л.* Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 1999. № 3.
- Конькова О.И.* Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2006.
- Корбен А.* Свет славы и святой Грааль. М., 2006.
- Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001.
- Лавренова О.А.* Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // Культурная география. М., 2001.
- Любый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003.
- Митин И.И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск, 2004.
- Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера. Смоленск, 2002.
- Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999.
- Регионализация посткоммунистической Европы. М., 2001.
- Русская провинция: миф–текст–реальность. М., СПб., 2000.
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 4.
- Топоров В.Н.* К происхождению и функциям “гео-этнических” панорам в аспекте связей истории и культуры. М., 1991.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.
- Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. К “средиземноморской” персонологии. М., 1993.
- Туровский Р.Ф.* Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. М., 2001.
- Чихичин В.В.* Комплексный географический образ города: определение понятия и стратегии реконструкции // Гуманитарная география. Научный и научно-просветительский альманах. Вып. 2. М., 2005.
- Шмидт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europeaeum*. СПб., 2008.
- Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3.
- Bassin M.* Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999.
- Conforti J.A.* Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-twentieth Century. Chapel Hill–London, 2001.
- Corbin H.* Mundus Imaginalis or the Imaginary and the Imaginal. Dallas, 1972.
- Cosgrove D.E.* Models, Descriptions and Imagination in Geography // Remodelling Geography. Oxford, 1989.
- Cosgrove D.E.* Social Formation and Symbolic Landscape. London, 1984.
- Cultural Turns/Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography. New York, 2000.
- Daniels S.* Place and Geographical Imagination // Geography. 1992. № 4 (337).
- Geography and National Identity. Oxford–Cambridge, 1994.
- Jordan T.G., Domosh M., Rowntree L.* The Human Mosaic: a Thematic Introduction to Cultural Geography. New York, 1994.
- The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays. New York–Oxford, 1979.
- Lowenthal D.* Geography, Experience and Imagination: Towards a Geographical Epistemology // Annals of the Association of American Geographers. 1961. Vol. 51. № 3.
- Schama S.* Landscape and Memory. New York, 1996.
- Studying Cultural Landscapes. New York, 2003.
- Tuan Yi-Fu.* Topophilia. A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York, 1990.